

УДК 94(5); 94(100) 05; 94(510)03; 94(517)
DOI 10.24411/1026-8804-2019-10056

К вопросу о взаимоотношениях Китая и киданей

Геннадий Геннадьевич Пиков,

доктор исторических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск.
E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Китайские династии Тан и Сун и киданьская империя Ляо (907—1125) оказывали определяющее воздействие на развитие восточноазиатского региона в средние века. В статье их отношения анализируются как междивизиционные, и тем самым делается попытка отказаться от тезиса об агрессивно-бандитской стратегии кочевого мира в отношении оседло-земледельческих народов. Ставится вопрос о необходимости более детального и нетенденциозного изучения составляющих эту тему проблем: взаимодействие оседлой и кочевой цивилизаций, самостоятельных цивилизационных зон в рамках единого метарегиона Восточной Азии, а также ханьской зоны и монгольской, связанной с сибирскими регионами и тюркским миром. Выделяется несколько моделей взаимоотношений данных государств на разных этапах развития киданьского народа. Своеобразие дипломатии определяли в том числе различия в политической культуре этих восточноазиатских народов. Изучение данной проблематики позволяет сделать ряд выводов. Именно успешное развитие кочевой империи привело к усилению взаимодействия с Китаем, который был несомненным центром восточноазиатской цивилизации. Соответственно, китайская культура как медиатор корректировала развитие нового цивилизационного варианта. Существование и эволюция дихотомий «кидани — китайцы» и «Ляо — Сун» имели особое значение, ибо первые века II тысячелетия были временем окончательного оформления феодализма. Оба государства не ставили перед собой задачи полной ликвидации соседа и старались извлечь из взаимодействия максимум преимуществ.

Ключевые слова: Восточная Азия, Китай, империя Ляо, кидани, кочевники, взаимоотношения, внешняя политика, цивилизации.

On the Question of Relations between China and the Khitan People.

Gennadiy Pikov, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru.

The Chinese dynasties Tang and Song and the Khitan Empire of Liao (907—1125) had a decisive influence on the development of the East Asian region in the Middle Ages. The paper analyses their relations as inter-civilizational and thus attempts to abandon the thesis of the aggressive gangster strategy of the

nomadic world against the settled agricultural peoples. The author raises the question of the need for more detailed and non-tendentious research of the constituent problems of this topic: the interaction of settled and nomadic civilizations, independent civilizational zones within a single meta-region of East Asia, the Mongolian and Han Zones connected with Siberian regions and the Turkic world. There are several models of relations between these states associated with different stages of the development of the Khitan people. Diplomacy peculiarity was also defined by the differences in the political culture of these East Asian peoples. It was concluded that the successful development of the nomadic Empire led to the strengthening of cooperation with China which was an undoubted leader and centre of the East Asian civilization. Accordingly, the Chinese culture as a mediator adjusted the development of a new civilizational variant. The existence and evolution of the “Khitan — Chinese” and the “Liao — Song” dichotomies was of particular importance because the first centuries of the second millennium were the time of final formalization of feudalism. Both states did not set an objective of complete elimination of the neighbour but tried to derive maximum benefits from communication with each other.

Keywords: East Asia, China, Liao Empire, Khitans, nomads, relations, foreign policy, civilizations.

В Восточной Азии в VIII—XII вв. выделялись два народа, отношения которых оказывали существенное влияние на развитие всего региона. Это китайцы, создавшие собственно китайские династии Тан и Сун, и кидани, вставшие во главе могущественной империи Ляо (907—1125). Кидани возглавляли тогдашний восточноазиатский кочевой мир, а китайцы — оседлый, будучи наиболее продвинутыми представителями этих масштабных зон.

Эти «миры» развивались практически независимо, то сближались, то расходились. В X в. стали складываться иные параметры взаимодействия — уже не политическая зависимость киданей от Китая, а взаимозависимость во многих аспектах: политическом, культурном, экономическом. Речь фактически идёт не о контактах двух государств, а о межцивилизационном взаимодействии. Эта тема сложна и многоаспектна, и в данном случае берётся всего лишь один её аспект, хотя и важнейший, а именно киданьско-китайские отношения в самом широком смысле.

Не без основания считается, что отношения киданей с Китаем занимают центральное место во внешней политике этого народа и созданных им государств. Недаром в основных источниках нашей информации о киданьской истории («Цидань го чжи», «Ляо ши») одной из главных тем являются именно киданьско-китайские отношения [4; 8]. В этих произведениях не только освещены исторические события, но и представлены важнейшие документы (дипломатическая переписка между киданями и династией Поздняя Цзинь, тексты клятвенных договоров между Сун и Ляо, переписка киданьского и китайского императоров 1042 г. в связи с территориальными притязаниями киданей и т.д.).

К настоящему времени история взаимоотношений киданей и Китая в основных событиях и фактах уже реконструирована. Отдельные проблемы, например дипломатические отношения в целом и мир в Шаньюане (1004 г.), изучены основательно. Очевидно, однако, что данный процесс в целом осмыслен упрощённо и тенденциозно. Всё сводится к нескольким утверждениям:

1. Кидани всегда нападали на Китай или угрожали ему.
2. Китай оказывал благотворное воздействие на кочевников в целом и киданей в частности, однако те «извращали» подлинную культуру.
3. Кидани по природе своей способны только быть «варварами». Они всегда осознавали это и потому использовали всё китайское лишь для обогащения, что выразилось в так называемой дистанционной эксплуатации.

Для опровержения подобных выводов необходимо системно рассмотреть взаимодействие этих народов в междивизиационном аспекте, а именно как:

- 1) отношения самостоятельных цивилизационных зон в рамках единого метарегиона — Восточной Азии;
- 2) отношения разных цивилизаций — оседлой и кочевой;
- 3) взаимодействие разных этноязыковых зон;
- 4) отношения самостоятельных субкультур в рамках единой восточно-азиатской цивилизации;
- 5) взаимодействие разных зон — более обширной монгольской, связанной с сибирскими регионами и тюркским миром, и компактной ханьской.

Кидани и китайцы находились в разных природно-климатических зонах и потому ни те ни другие не стремились поглотить своих соседей. В то же время медленно шло расширение обеих хозяйственных зон в сторону друг друга, ибо обе цивилизации были аграрными и нуждались в увеличении площади хозяйственных земель. В результате на границе возникла и существовала на протяжении ряда веков «серая» (фронтирная) зона, где оба вида хозяйства (земледелие и скотоводство) сосуществовали.

К рубежу I—II тыс. н.э. экстенсивные методы ведения хозяйства практически себя исчерпали, и ускорился процесс перехода к интенсивным вариантам, начавшийся несколькими столетиями раньше («усиление» киданей и создание империи Тан). В результате в обеих зонах после некоторого периода турбулентности создаются самые развитые, классические средневековые этатические модели — империи Ляо и Сун.

В той и другой зоне проживали этнические группы с естественными этническими и хозяйственными различиями, разной степенью политической интеграции и трансформации общинно-родового строя в феодальное общество (от классического родового строя до высокой стадии развития кочевого феодализма).

Кидани имели наиболее длительный опыт общения с Китаем и потому выступали в роли медиаторов во взаимодействии двух зон.

В итоге данные группы вынуждены были определяться по отношению к этим двум государствам.

Они разделились примерно на две группы.

1. Тяготевшие к кочевому скотоводству и монгольской языковой зоне оказались в сфере влияния киданей и поддерживали империю даже в период её гибели.

2. Тяготевшие к другим формам хозяйства («лесные» народы, в большей степени развивавшие земледелие) и другим языковым регионам (тунгусо-маньчжуры) всегда находились в проблемных отношениях с киданями и в период крушения империи Ляо заняли «предательскую» позицию.

Большое влияние на динамику развития киданьского общества оказывали не только внутренние процессы, но и изменения имперской конструкции Ляо, отношения с представителями монголоязычной зоны, тюрко-монгольского мира, в частности с тюрками.

Кидани не всегда имели границу с Китаем, хотя находились недалеко от него. Они принадлежали к монголоязычной зоне, которая располагалась рядом с Китаем.

На протяжении всего додинастического периода они прежде всего поддерживали активные отношения с кочевниками и полукочевниками и приобрели огромный опыт международного общения. Периодически они попадали в «зависимость» от тюрков, уйгуров, китайцев. Это дало им возможность с самого начала в своей политике по отношению к Китаю делать акцент не на военных действиях, а на дипломатии и торговых интересах. К тому же ими был учтён совокупный опыт взаимодействия кочевников с Китаем. С другой стороны, и Китай использовал опыт общения с кочевниками. В обоих случаях военная составляющая была далеко не на первом месте. Такой подход не зависел от каких-либо различий двух зон, а был связан с историей их взаимодействия и результатами этой практики.

Были отличия и в философии существования указанных зон. Китай рассматривал себя центром всего мира, основываясь на идеях «Срединного государства» (Чжунго) и «Поднебесной империи» (Тянься). Такая позиция не влекла за собой мировой территориальной экспансии, тем более что государству не хватило бы для этого сил. Впрочем, Китай, как и другие цивилизации Евразии, не претендовал на всю ойкумену. У них было своё жизненное пространство. Однако собственную цивилизационную модель они считали универсальной для всего освоенного человеком пространства. Китайцы часто справедливо отделяли себя от «варваров», ибо ханьская культура уникальна и чётко выделяется на фоне всей восточноазиатской, хотя есть и общее. Здесь нет пренебрежения. Им подражали, но их и извращали, т.е. фильтровали.

В любом случае, если есть цивилизационные претензии, то и территориальная экспансия не исключена полностью. Всё же Китай до сих пор не присоединил к себе Монголию (не считая Внутренней Монголии), хотя та и находилась периодически под его влиянием.

Причин тому несколько:

1. Монголия всегда сопротивлялась, с той или иной степенью эффективности.
2. Она была для южного государства малоинтересной и малопригодной в экономическом отношении зоной.

3. У Китая, как, впрочем, и у кочевников, ведущей была мироустроительная парадигма. Война в обоих случаях была лишь средством решения внутренних проблем.

Нужно учитывать, что в древности и в средневековый период обе зоны были аграрными и, соответственно, замкнутыми сами на себя. Киданьская империя Ляо и китайские государства Тан и Сун — яркие примеры максимально интенсивных вариантов. Они «заточены» под преимущественное использование внутренних ресурсов. Военные операции внутри и вне зон были вторичны, хотя, как и во всей Евразии, использовались нередко.

Для средневековой эпохи характерно широкое распространение милитаризма и насилия. Если в Новое и Новейшее время войны более масштабны и кровавы, проходят на большей площади, то в Средние века осуществляются огромные военные операции (гунны, германцы, арабы, монголы, турки). Они очень гулкие, поражают воображение современников, но растянуты во времени. Германцы, как указывал ещё бельгийский историк А. Пиренн, нападали на южные территории с IV в. до н.э. по VI в. н.э. Также можно вспомнить появление на Балканах ахейцев. Приход в Европу гуннов был частью общеевразийского Великого переселения народов. Арабы при династии Омейядов осуществляли свои евразийские походы в 633—750 гг. Монголы воевали на протяжении 1206—1279 гг. Турки, как часть тюрок, штурмовали Средний и Ближний Восток в 1000 (не считая X в.) — 1453 гг.

Это были не простые набеги, а завоевания, хотя одновременно надо отметить, что они лишь самые заметные участники переформатирования пространства. В это же время внутри цивилизационных зон происходили не менее масштабные конфликты: фавориты в Европе и междоусобицы в Китае, крестьянские восстания и войны (почти нет городских, в лучшем случае они являлись частью общих конфликтов), войны китайских династий между собой и с соседями (Си Ся, Ляо, Цзинь, монголы), завоевание Англии, Реконкиста, Дранг нах Остен, Крестовые походы, Итальянские походы, походы гуситов и т.д. Всё это — составные части или следствия общеевразийских процессов переформатирования: Великого переселения народов, складывания арабского халифата, возникновения Монгольской империи, Тридцатилетней войны, распространения тюрок на Среднем и Ближнем Востоке. В этих конфликтах нет кого-то одного виноватого (агрессора, захватчика, эксплуататора), хотя таковыми чаще всего считались динамичные народы (германцы, гунны, арабы, турки, монголы).

Нужно учитывать, что в оседлом мире использовались такие механизмы цивилизационного развития, как «бюрократия» (Рим, Византия, Китай) и «теократия» (ислам, папство, иудаизм). «Варвары», как правило, рассматриваются в качестве разрушителей цивилизации. Такие представления особенно характерны для «возрождений» в Европе и Китае.

«Бюрократия» как иерархия имманентна «феодализму». Основные доходы собирались внутри страны, а внешнеэкономические связи были развиты слабее. Особенно мало контактировали с кочевниками. Да и в целом отношения с другими «мирами» были минимальны, поскольку отсутствовали экономические и культурные интересы. Понятно, что с обеих сторон

эпизодически происходили набеги с целью захвата добычи. Масштабные войны в таких случаях не нужны, ибо они проводятся с целью захвата территории, а здесь в оккупации земли соседей нет необходимости. В итоге оба мира во внешней сфере минимально использовали набеги и торговлю. В китайских текстах говорится о непредсказуемости и случайности набегов со стороны киданей, что, безусловно, является свидетельством отсутствия у них планомерной захватнической политики.

Существовали различия и в политической культуре исследуемых народов.

В основе китайской внешней политики лежали конфуцианские принципы политической иерархии, идея китаецентризма, отрицание равенства в отношениях Китая с соседями, выстраивание всех международных связей по вертикали — от высшего к низшему [6; 7]. Китайская данническая система насчитывала тысячелетия и почти не знала исключений. «Равные» отношения были крайне редки.

Кидани опирались на кочевые традиции, которые предусматривали равенство всех сторон или создание иерархии на основе договорных отношений. Они стремились во внешней сфере строить преимущественно горизонтальные связи между равными сторонами (внутри — особые конфигурации). Международное взаимодействие в принципе рассматривалось как контакт равных субъектов, т.е. по горизонтали, если, разумеется, не было причин заключать иные союзы типа «зависимость». Китай в принципе не мог принять идею равенства с киданями, а последние удивлялись, что их империю не считают равной китайской. Только в XIII в. все три империи (Ляо, Цзинь, Юань) будут объявлены классическими, но китайскими. Китайцы смогли признать, что варвары настолько восприняли китайскую культуру, что стали «китаизированными» (меньшинствами), однако всё же их оригинальные государства не считались равными Китаю. Равнинный Китай остался верен идее Чжунго.

Киданям было труднее, ибо они имели опыт общения с кочевыми народами, в том числе с тюрками, но мало общались с земледельческими и лесными народами. Они переносили на китайцев ценности кочевников, а потом удивлялись «лицемерию» и «лживости» китайцев. Однако и китайцы по тем же причинам не понимали киданей.

Обе стороны взаимно учились общаться, и система их отношений медленно эволюционировала. Это происходило в русле межкультурного общения и основывалось на цивилизационных парадигмах. Именно парадигма определяет политическую культуру общества и выстраивает внешнеполитический процесс на всех уровнях. Это позволяет выделить этапы данных отношений и их типологию.

В данном случае мы имеем дело с уникальным цивилизационным вариантом международных связей — смешанным. Его полное осмысление возможно при детальном анализе накопленного исторического материала с помощью методов сравнительного культуроведения, без использования идеологических штампов.

Различия в политических культурах определяли и своеобразие дипломатии.

Китай стремился своим контактам придать статус вассалов, т.е. хотел определять их внешнеполитический курс, использовать как экономический придаток (также кидани поступали с китайским югом), выстроить их бюрократию как часть своего аппарата. Внешняя политика Китая была нацелена на приобщение «варваров» к китайской цивилизации. Они приветствовали принятие последними китайской инвеституры, китайского календаря и т.п. В период Хань Цзя И разработал теорию «гуманного» обращения «варваров» в цивилизованных и лояльных соседей империи. Это политика «сань бяо у эр» («три нормы и пять прельщений») [7, р. 28].

Допускались и активное применение силы, и дипломатические способы, чтобы предупредить политическое усиление соседних народов и племён, разрушить их возможные союзы и тем самым предотвратить их вторжение в империю.

Китайцы в додинастический период и в начале истории империи Ляо старались навязать киданям статус вассала. Однако развитие империи Ляо вынудило Китай признать силу киданей и проводить более гибкий дипломатический курс.

Принято считать, что китайское влияние благотворно сказывалось на общем развитии киданей и Ляо, а неумелое использование южного опыта, рост интереса к роскоши «изнежили» киданей и предопределили их гибель. Можно согласиться с тем, что китайская стратегия сработала, но важно и другое. Интрузивизирование китайского компонента во многом искусственно тормозило развитие культуры кочевников и деформировало самобытность. Этот процесс активно шёл во второй половине истории Ляо и усилился в период чжурчжэньской империи Цзинь.

Это обстоятельство уже давно известно профессиональным востоковедам, однако, по нашему мнению, стоит обратить внимание на определённый парадокс. Именно успешное развитие кочевой империи привело одновременно к усилению взаимодействия с Китаем, который был несомненным лидером и центром восточноазиатской цивилизации. Соответственно, китайская культура как медиатор начала корректировать развитие нового цивилизационного варианта — это обычно называют «разлагающим» влиянием китайской культуры. После того как монголы уже пришли в Китай, это взаимодействие достигло апогея, кочевой вариант восточноазиатской цивилизации стал доминировать и лишь с огромным трудом китайцы «освободились» от «гнёта» монголов. При маньчжурской династии Цин возрастало влияние потомков чжурчжэней — маньчжуров, но после Синхайской революции 1911 г. они оказались полностью в зоне Китая.

Тем самым был поставлен предел экстенсивному развитию монголоязычной зоны, но лишь в условиях традиционного скотоводческого хозяйства. «Возрождение» происходит уже в XX в., когда в регионе начинает активно действовать новый игрок — СССР, а потом и Россия. Усиливаются связи с народами Сибири, медиатором этого процесса становится Бурятия. Сложная ситуация складывается во Внутренней Монголии.

На политику Китая по отношению к Ляо повлияли происходившие в кочевой империи процессы интенсивного экономического развития,

этнополитическая интеграция, искусство управления рода Елюй, искусная дипломатия, военная мощь, авторитет в Восточной Азии. В значительной степени специфика именно внутреннего развития Ляо и Китая влияла на их взаимоотношения и создавала те или иные модели отношений.

Таких моделей можно выделить несколько. Они, как правило, совпадают с этапами развития киданьского народа.

В начале своей истории кидани были больше заняты проблемой выживания и относились к той части кочевников, которые не имели непосредственного контакта с Китаем. Они были своего рода «этническим мусором», оставшимся после распада конгломератов дунху и сяньби. Таких осколков было в то время немало. Их отделяли от Китая другие племена. Кидани не были непосредственным вассалом, и не возникало столкновений интересов.

В этот период складывались предпосылки будущей философии внешней политики народа. На этой предварительной стадии происходило осмысление опыта не мелких родов, а крупных этнополитических объединений. Находясь в подчинении у тюрков и уйгуров, кидани постигали их опыт взаимодействия с Китаем, а став уже крупным объединением, в той или иной мере или степени участвовали в общении с ним.

Убедившись после отрыва от дунху и сяньби в цивилизационном верховенстве Китая, они окончательно переориентировались от чисто кочевого мира, начали противопоставлять себя чистым кочевникам, но в той или иной мере и оседлым. Это стало существенной предпосылкой самообособления киданей и от кочевников, и от Китая, хотя для китайцев они оставались одними из «варваров четырёх сторон света».

Такое переориентирование можно назвать одновременно и этапом во взаимоотношениях с Китаем, и первой моделью этих отношений, когда народы контактировали опосредованно и начали употреблять первоначальный опыт. Думается, одним из существенных «открытий» того времени для киданей стало понимание того, что с такой могущественной силой, как Китай, необходимо общаться и договариваться.

Вторая модель киданьско-китайских отношений стала складываться в тот период, когда «варвары»-кидани оказались в непосредственной зависимости от Китая.

Именно тогда китайцы стали усердно изучать этот народ: туда зачастили путешественники и в разного рода текстах появлялись посвящённые им экскурсы. В таких произведениях поднимались вопросы происхождения киданей, их цивилизационной принадлежности. Кидани некогда вошли в зону «цидань» в качестве «чужих», стали «своими», однако ещё продолжали восприниматься лишь как варвары.

И сами кидани, заимствуя опыт могущественной цивилизации, в большей мере воспринимали близкое им восточноазиатское цивилизационное начало в целом, а не конкретно китайское. К тому же они уже пустили глубокие корни в «монгольской» зоне, ибо в массе своей оставались кочевниками, а не оседлыми. Даже «хань эр» (китаизированные), жившие в пограничных районах, часто уходили к киданям.

На стадии этой модели обе стороны чётко определили себя по отношению друг к другу как:

- 1) жители одной восточноазиатской зоны;
- 2) в то же время антиподы — кочевники / земледельцы;
- 3) обладающие самобытной культурой;
- 4) создатели собственной страны (так считали кидани, но не китайцы), которая, по словам киданьского правителя, не хуже другой.

В данном случае может быть использована формула Н.Я. Бичурина: «на востоке Азии существует государство, которое по своей противоположности во всём с прочими государствами составляет редкое, загадочное явление в политическом мире. Это — Китай, в котором видим всё то же, что есть у нас, и в то же время видим, что всё это не так, как у нас» [1, с. 29]. Следует подчеркнуть, что сказанное может быть отнесено и к киданьскому государству.

Третья модель отношений создаётся в период противостояния киданьской империи Ляо и китайских государств.

Многовековому китаецентризму начинает противостоять медленно формирующийся киданецентризм. Это хорошо видно по восприятию двумя сторонами мира в Шаньюане (1004 г.). Если для киданей это был договор равных, то китайцы воспринимали свою империю сверхдержавой. Они оказались хитрее «варваров» и, отдав киданям ряд территорий, взамен получили множество экономических выгод.

Кидани в этот период сделали многое для сохранения сложившихся в регионе отношений. В частности, по сути, именно кидани, взяв «под контроль» северный Китай, спасли его от окончательного распада в период пяти династий. Они не стали полностью аннексировать регион сами и фактически обезопасили его от аннексии со стороны других сил. Многие кочевники осуществляли набеги туда, тангутское государство Си Ся взвешивало свои возможности. Китайские династии передохнули и снова объединились в рамках могущественной империи Сун. И Ляо признало это объединение! Сун, по сути, являлась правопреемницей Танской империи, и кидани это поняли и признали, тем более что «Пять династий» позиционировали себя ниже киданей.

Особую роль в познании друг друга и некотором размывании этнокультурного барьера сыграли переходы киданей или китайцев на другую сторону. Жившие на фронтире «хань эр» многие знания и навыки передали киданям. Они чаще всего и были теми «китайцами», которых активно использовал основатель империи Елюй Апоки. Следует отметить, что слово «китайцы» в текстах не означало принадлежность именно к ханьцам. Вдоль Великой стены, по обеим её сторонам, издавна селились кочевые и полукочевые выходцы с «варварского» севера (ухуани, сяньби, тюрки, кидани). Если они не возражали против китайского управления, территория их обитания автоматически включалась в состав того или иного округа. Иностранцам, как правило, жаловались и ханьские фамилии. Исходя из этого, легко предположить, что «китайцы», массово переселявшиеся в первые годы киданьского государства, как правило, и были этими людьми. Разумеется, они

находились под существенным воздействием китайской культуры и не могли жить по чисто киданьским законам и порядкам. Для них и создавалась особая система управления.

Им присваивали китайские имена, под которыми они и фигурируют в источниках, но они оставались по сути своей прежними «варварами». Собственно китайские крестьяне и горожане не хотели уходить к киданям, наоборот, при приближении киданей и их войск убегали вглубь страны.

Этот фронт, или «серая зона», постепенно расширялся, правда, преимущественно на севере. Ляо и Сун пытались регулировать площадь данной зоны. Кидани даже пошли на создание особого «южного» государственного механизма.

При этом запускалось несколько механизмов установления близких отношений между народами. И те, и другие беглецы были чаще всего бедными, представителями низов. Они испытывали постоянную ностальгию по родине, старались помочь ей всем, чем можно.

Кидани могли не принимать многое из конфуцианства ещё и потому, что его рецепты могла использовать кочевая аристократия. Политическая рецептура Китая действительно подразумевает обязательное наличие старой наследственной аристократии: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает своё место в окружении созвездий» [2, с. 140].

Существование и эволюция дихотомий «кидани — китайцы» и «Ляо — Сун» имело особое значение, ибо первые века II тысячелетия были временем окончательного оформления феодализма. В данном случае выявлялись не только цивилизационные различия, но и формационные факторы развития. Мы имеем дело с двумя вариантами феодализма на основе разных видов хозяйства — скотоводства и земледелия. При анализе восточноазиатской истории это обязательно надо учитывать, видеть формационно-цивилизационный крест. Безусловно, кидани первыми сформировали развитое феодальное общество на основе кочевого скотоводства.

В итоге мы видим, что конкурируют разные цивилизации, разные экономики, разные этносы, разные варианты феодализма, разные культуры, разные философии развития, разное понимание государства. Это разнотипные государства. Они сосуществуют в экстремальных условиях, и это резко стимулирует принципиальное размежевание двух аграрных феодализмов.

Процесс этот принципиальный и экзистенциальный. Одним из его непосредственных и грандиозных последствий станет «мировая война» XIII в. как военное противостояние двух феодализмов.

И всё же при Ляо и Сун, несмотря на то, что между ними были стычки, доминировало активное экономическое и культурное сотрудничество, партнёрство в урегулировании международных конфликтов.

В период гибели империи Ляо (первая четверть XII в.) сложилась модель жёстких конфронтационных отношений двух разнотипных государств. Наблюдалось сильное идеологическое и политическое противостояние, шли крупномасштабные военные действия.

Если рассматривать эти отношения в широкой амплитуде, то нужно видеть существенное и важнейшее.

Ляо по комплексной государственной мощи превзошла и китайскую империю Сун, и тангутское государство Да (Си) Ся. Тем не менее кидани всегда выступали за равенство сторон. Отдельные их высказывания о своей силе или даже превосходстве в чём-либо свидетельствуют лишь о том, что они знали себе цену, а не пользовались этим так, как им это приписывалось.

В действительности шло взаимодействие разных вариантов восточноазиатского цивилизационного комплекса (представлены одновременно и Сун, и Ляо) или по меньшей мере трансазиатского (государство Ляо имело выходы в Сибирь, на Средний Восток, к тюркам, мусульманской культуре).

Все указанные модели взаимодействия киданей и китайцев в той или иной степени сосуществовали на всём протяжении истории. Китай в принципе никогда не мог отказаться от китаецентризма, а у киданей было двойственно-диалектическое восприятие Китая: они ощущали себя частью северного мира (Монголия, Южная Сибирь), но по уровню развития и форме политической организации оторвались от него, хотя и не стали частью мира южного.

По сути, они создали свой собственный мир, который оказался в силу этого довольно искусственным. Это не китайская империя, но и у кочевников феномена «коренного государства» (бэньго) тоже нет. В результате слабость киданьского мира удвоилась. Да и сама по себе «имперская» конструкция как поле перманентной трансформации слаба.

Несомненно, что положительного заряда в этих отношениях присутствовало больше, чем негативных моментов. Можно применить традиционную китайскую формулу «сань цикай» («отделять три от семи»): 70% положительных и 30% негативных элементов и явлений [5, с. 315]. Вычислить точное соотношение сложно, но главное здесь — активное взаимодействие, а конфронтация вторична.

Оба эти варианта работали одновременно, и обе стороны упрекали друг друга в лицемерии и предательстве. На самом деле на севере Китая и в Монголии «боролись» два сценария будущего развития. Китай стремился вернуть в прежнее состояние северян, а именно киданей. Остальные кочевники их устраивали, и они сталкивали их с киданями. Даже в чжурчжэнях они видели сначала лишь разрушителей Ляо и начали бороться с ними, только когда те стали создавать свою империю.

Кидани строили свой мир и в Китае видели другое государство, а в северянах видели лишь «варваров» (по этой причине последний киданьский император Елюй Тяньцзо не принял план принца Елюй Даши по спасению государства путём обращения за помощью к северным племенам) и старались не допускать их в пределы «киданьской земли». Наоборот, туда старались переселять других «варваров», например бохайцев.

Мы видим разные долгосрочные внешнеполитические стратегии. Если кидани выступали за мирное сосуществование, то Китай боролся за восстановление системы «империя — варвары».

Именно наличие и столкновение этих стратегий, отсутствие у киданей такого же долговременного внешнеполитического опыта, как у китайцев, и вызывало различные негативные моменты. Отдельные кочевые роды не всегда подчинялись центральной власти и осуществляли самовольные набеги на Китай. Сдерживание киданей со стороны Китая приводило к минимизации экономических контактов, даже к использованию санкций, ожесточённой информационной «холодной войне» — всё это сказывалось не только в пределах самого Китая, но и среди кочевников и непосредственно самих киданей.

Важным методом информационной войны и, соответственно, искажения правды о киданях было собирание сведений о них. Записки послов и путешественников стали «свидетелями» в этом деле, в них намеренно подбирался материал об экзотике киданей (их обычаях, традициях), политическая и уголовная хроника. Много писалось об их невежестве, дикости, лицемерии, безнравственности. О достижениях киданей почти ничего не писалось.

Таким образом, против киданей на всём протяжении их истории шла интенсивная, далеко не всегда успешная гибридная война. Никогда и ни с кем китайцы не боролись так упорно и так трудно. Это уникальный случай! Если не считать западных киданей, с которыми активно враждовали мусульмане, чаще ожесточённое, чем между собой. Дело здесь не в том, что кидани были чужими на территории Восточного Туркестана, — они реально могли создать долговечную империю и резко ослабить мусульманский мир.

Киданям, единственному народу в тогдашней тюрко-монгольской зоне, пришлось ожесточённо бороться именно с оседлыми государствами, ибо они резко вырвались вперёд по сравнению с другими кочевниками.

При анализе данной темы часто рассматриваются не стратегии, а политические интересы. Соответственно, часто историю отношений делят лишь на этапы [3], не замечая, что цивилизационная стратегия всегда неизменна, а интересы и механизмы изменчивы и подвижны. К тому же это стратегия именно элиты, а не неких безликих киданей. Любая элита смотрит далеко вперёд. У племенной аристократии на первом месте интересы, у локальной знати — выгода. Здесь налицо вековая заслуга киданьской элиты.

Другое дело, что и кидани, и Китай использовали так называемую дисперсную стратегию [5, с. 316], когда отношения строят по-разному с разными акторами. Главное же в том, что они всё же определяются цивилизационной парадигмой. У Китая вечный китаецентризм, стремление выстроить однополярный мир, у Ляо — выстраивание многополярного мира. Однополярность Китая предполагает, что кочевая экономика становится придатком Китая, упраздняется суверенитет Ляо, а влияние Китая простирается до конца экономической выгодной зоны (Южная Сибирь), китайская культура доминирует на уровне элиты и аристократии (для знати она не обязательна).

Аграрная экономика, которая существовала в обоих государствах, замкнута сама на себя, преимущественно локальна, и по этой причине преобладали краткосрочные интересы. Союзничество было невозможно

в принципе, даже с тангутским государством Си Ся, а тем более с кочевниками. Уже по этой причине территория между Ляо и Сун всегда была дугой напряжённости.

По-разному между киданями и Китаем шли экономическое взаимодействие и политический диалог. Экономика и её интересы не были в центре внимания, ибо это были разные экономики. Во внешнеполитической сфере было мало точек пересечения. Кидани преимущественно ориентировались на кочевой мир, у них была самодостаточная экономика, из Китая получали в основном предметы роскоши. Через Ляо лишь частично шли и товары из мусульманского мира. Китай же ориентировался на материальную торговлю.

В обоих обществах существовали представления о «китайской угрозе» и «киданьской угрозе». Это тоже сдерживало сближение стран. Интеллектуалы обоих государств не могли и не хотели активно общаться друг с другом, что само по себе говорит об их самобытности. В Китае на первом месте находилось конфуцианство, в Ляо — буддизм и тенгрианство.

В итоге практически всегда существовала ситуация «наверху тепло, а внизу холодно», но чаще доминировало взаимное неприятие, прикрываемое холодной вежливостью.

Неприятное отношение к киданям в Китае проявляется в той или иной мере и сейчас: они рассматриваются как бандиты, захватчики, варвары, застойное общество, и это невзирая на то, что кидани создали мощную культуру и империю. Более того, им вменяется в вину желание покорить Китай, которому удалось отстоять свою независимость.

Стоит отметить, что в то время ещё не существовали многие положения современного международного права, в частности формально не работал один из основных принципов международных отношений — воспринимать партнёра таким, каков он есть. А кидани не опускали имиджевый статус ниже реального, признавали желание своего партнёра позиционировать себя по-своему. Китайцы же не только не признавали статус киданьского государства как законной этатической конструкции (сделали это лишь в XIII в., и то после ожесточённых споров и под нажимом монголов), но и объявляли его, по сути, преступной организацией, созданной для нападений и грабежей.

Стоит отметить, что кидани никогда не заключали наступательные союзы против Китая, а империя Сун пошла на коалицию с чжурчжэнями с целью уничтожения Ляо. Её союз с Цзинь был направлен на то, чтобы «спилить» империю Ляо, как дерево, а потом на этом месте сделать новые «посадки» — занять территорию мелкими государствами или племенами, но не новым «деревом».

Подводя итог, можно сказать, что в целом отношения между киданями и китайскими государствами были сложными и включали как военные операции, так и дипломатические акции. Очевидно, что оба государства не ставили перед собой задачи полной ликвидации соседа и старались извлечь максимум преимуществ из общения друг с другом. Ляо стало мощным заслоном для проникновения кочевых племён в китайские пределы

и хорошим противовесом в отношениях с тангутами, тибетцами и другими народами Восточной Азии. Киданям южные соседи давали возможность активно перенимать «общемировую» восточноазиатскую культуру, использовать сложившиеся торговые коммуникации, южные рынки для сбыта своей продукции и получения необходимых товаров.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный дом, 2002. 432 с.
2. Древнекитайская философия / под ред. Л.В. Литвиновой. М.: Мысль, 1971. Т. 1. 363 с.
3. Думан Л.И. Проблемы внешней политики киданей в VII—X вв. н.э. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1986. С. 13—21.
4. Е Лун-ли. Цидань го чжи (История государства киданей). М.: Наука, 1979. 607 с.
5. Мясников В.С. Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем (Россия и Китай на пороге тысячелетий) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 306—325.
6. *China among Equals. The Middle Kingdom and It's Neighbors, 10th—14th Centuries* / ed. by M. Rossabi. Berkeley: University of California Press, 1983. 419 p.
7. *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations* / ed. by J.K. Fairbank. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968. 416 p.
8. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. *History of Chinese Society — Liao (907—1125)*. Philadelphia, 1949. 751 p.

REFERENCES

1. Bichurin N.Ya. *Kitay v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii* [China in Civil and Moral Condition]. Moscow, Vostochnyy dom Publ., 2002, 432 p. (In Russ.)
2. *Drevnekitayskaya filosofiya* [Ancient Chinese Philosophy]. Ed. by L.V. Litvinova. Moscow, Mysl' Publ., 1971, vol. 1, 363 p. (In Russ.)
3. Duman L.I. Problemy vneshney politiki kidaney v VII—X vv. n.e. [Problems of Foreign Policy of the Khitans in the 7th—10th Centuries]. *Vostochnaya Azia i sosednie territorii v srednie veka* [East Asia and Neighbouring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 13—21. (In Russ.)
4. E Lun-li. *Tsidan' go chzhi (Istoriya gosudarstva kidaney)* [The History of the Khitan State]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 607 p. (In Russ.)
5. Myasnikov V.S. Sem' osobennostey i sem' modeley otnosheniy Rossii s Kitaem (Rossiya i Kitay na poroge tysyacheletiy) [Seven Features and Seven Models of Relations between Russia and China (Russia and China at the Turn of the Centuries)]. *Rossiyskoe samoderzhavie i byurokratiya* [Russian Autocracy and Bureaucracy]. Moscow, Novosibirsk, Drevlekhranilishche Publ., 2000, pp. 306—325. (In Russ.)
6. *China among Equals. The Middle Kingdom and it's Neighbors, 10th—14th Centuries*. Ed. by M. Rossabi. Berkeley, University of California Press Publ., 1983, 419 p. (In Eng.)
7. *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations*. Ed. by J.K. Fairbank. Cambridge (Mass.), Harvard University Press Publ., 1968, 416 p. (In Eng.)
8. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. *History of Chinese Society — Liao (907—1125)*. Philadelphia, 1949, 751 p. (In Eng.)